

Е. Ю. Дубровская

ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Изучая изменения, которые произошли в традиционном укладе жизни в городской среде и в карельской деревне в первой трети XX века, можно проследить, насколько изменились представления людей о времени в переломную «революционную» эпоху общественно-политических потрясений 1917 года, Гражданской войны и иностранной интервенции в Карелии, в период раннесоветской истории края.

В годы Гражданской войны территория населенных и русскими, и карелами уездов Олонецкой губернии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губернии (Беломорская Карелия) оказалась вовлечена в орбиту международной политики, и прежде всего в сферу интересов России и Финляндии, а также Великобритании и Франции — недавних союзников по антигерманской коалиции¹.

Проблемам изучения совокупности идей и образов, отражающих специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, связи прошлого, настоящего и будущего, глубины и вектора исторической памяти (памяти о прошлом) как универсального способа построения идентичности, сегодня уделяется достаточно много внимания специалистами в различных областях гуманитарного знания (работы И. В. Нарского, И. Е. Козновой, Л. П. Репиной, М. Ф. Румянцевой, О. М. Фишман, Б. И. Колоницкого, исследовательниц из Хельсинки У.-М Пелтонен, А.-М. Острём, М. А. Витухновской² и др.). Перспективным видится исследование комплекса аналоговых и контрастных характеристик «своего» и «чужого» прошлого, мифов об этнической или национальной исключительности.

Нами предпринималась попытка посмотреть, как в начале XX века шел процесс формирования в российской официальной печати определенных представлений у читательской аудитории Финляндии и Карелии о населении приграничных территорий³. Представляется интересным проследить на карельском материале основные толерантные и конфликтные мифы, идеи и лексемы, которые уже тогда использовались для создания как этнических и этнополитических образов, так и образов времени.

Пространственно-временные образы являются едва ли не основными формами восприятия человеком окружающего мира. Конкретное восприятие времени, как и пространства, специфично для каждой культурной традиции. Это прослеживается и при знакомстве с источниками личного происхождения, которыми наряду с воспоминаниями могут служить дневники, эпистолярное наследие, биографии и автобиографии и т. д.

Источниковую основу исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные документы. К первым относятся выходившие в 1932, 1957 и 1963 годах сборники воспоминаний участников драматических событий 1917–1922 годов в советской Карелии и увидевшие свет совсем недавно рассказы об истории карельских династий, принадлежащие перу наших современников.

Уникальным источником, позволяющим почувствовать ход времени в приграничье и губернском центре Олонецкого края в начале XX столетия, являются воспоминания И. М. Никитина (1881–1965). Он родился в семье шуезерских карел, выходцев из д. Каратсалми Выборгского уезда, который относился к Сердобольской губернии автономного в составе Российской империи Великого княжества Финляндского. Эти воспоминания включают записи, как подготовленные для Карельского государственного краеведческого музея⁴, так и сделанные «для себя» и ныне хранящиеся у родственников И. М. Никитина.

Карел по происхождению, выросший в Петрозаводске сын рабочего Александровского пушечного завода, Никитин пришел на службу в штат канцелярских служащих Олонецкой консистории после окончания Петрозаводского городского училища. Судьбу свою автор воспоминаний считает нетипичной для выходцев из его круга: «В то время губернских и уездных учреждений в Петрозаводске было немного, с небольшим числом служащих. Чтобы поступить в них, требовалась солидная рекомендация от большого чиновника, чего у меня, к сожалению, не было, — пишет Иван Михайлович. — К тому же по национальности мы принадлежали к карелам, а таких и лиц податного сословия — “кухаркиных детей” на государственную службу принимали неохотно»⁵.

Материалы семейных меморатов дополняются другими источниками личного происхождения, в частности фотодокументами, к которым относится сделанная в начале 1930-х годов фотография представительниц семьи Ермилиных из д. Канзанаволок на Водлозерье, одном из самых отдаленных территорий Пудожского края. Исследования этнографов, культурологов и историков в области антропологической интерпретации фотографий показали, что фотопортрет всегда является средством конструирования такой реальности, какой ее хотели бы видеть изображенные на снимках. Под этим углом зрения можно посмотреть на жительниц Водлозерья предвоенной поры — крестьянку Ф. Д. Ермилину с тремя дочерьми, племянницей и родственницей, запечатленных на фоне никогда не виданных ими островерхих гор, пирамидальных тополей и белого здания здравницы-санатория. Подобный «задник», типовой для передвижных фотоателье, заезжавших в сельскую глубинку, встречается на семейных фотографиях того времени. Например, на снимках трехпоколенной семьи водлозеров или крестьян из карельской деревни Тивдия в Заонежье, которые сфотографированы на фоне такого же «южного пейзажа» с пролетающими аэропланом и дирижаблем⁶.

Рассматриваемые источники позволяют увидеть, что стабильность жизненного круговорота в деревне в первые годы советской власти по-прежнему была обусловлена «природным» временем. Временной цикл был подобен природному, господствовало представление о времени-круге, а цикл крестьянской жизни по-прежнему связывался с церковным календарем. Так, воспоминания участников и очевидцев Гражданской войны в Карелии, опубликованные в 1932 году, свидетельствуют о сохранявшейся практике измерять течение времени привычными церковными праздниками.

Лингвистам и историкам известны воспоминания жительницы д. Пелдожа Пряжинского района А. И. Баранцевой, почти ровесницы XX века, чьи рассказы на карельском языке с переводом на русский составили публикацию 1978 года⁷. Обращает на себя внимание раздел публикации о повседневной жизни карельской деревни в годы Гражданской войны и в период Великой Отечественной войны.

Система внешних ориентиров, зависящая от того, в какой степени сказались те или иные обстоятельства на жизни семьи, необходима и для репрезентации рода в историко-культурном пространстве⁸. К примеру, в 1960-х годах, когда были сделаны магнитофонные записи рассказов А. И. Баранцевой, установлением статусного признака семьи служил факт избрания

ее мужа председателем волисполкома в с. Святозеро (Петрозаводский уезд Олонецкой губернии).

В рассказах А. И. Баранцевой ориентиры экономической и политической истории государства, тесно связанные с крестьянской жизнью, оказываются вписанными в близкое для женщины «семейное» время. Так, временной маркер — «уже были колхозы» или «это до колхозов» — сосуществует с важнейшими моментами «семейного» времени — «да это еще до замужества», «уже дети появились» и т. д.

События отечественной истории также составляют для рассказчицы «систему внешних ориентиров», однако подчас получают названия, непривычные для «официальной» периодизации, но, по-видимому, распространенные в карельской деревне и вполне объяснимые. Так, Первую мировую войну она называет «австрийской», Великую Отечественную — «финской», поскольку ее родная деревня находилась на территории, оккупированной финскими войсками в период Второй мировой войны. Иногда информант путает события 1918–1920 годов, события Гражданской войны вне пределов Карелии она называет «другая война», когда «Юденич на Петроград наступал» или шли бои на польском фронте. «Когда Гражданская война или как ее называют» кончилась, «муж вернулся домой», «не знаю, какие годы были, саперы стояли в нашей деревне», «потом эта война началась, эта последняя война»⁹.

В обстановке военного времени, когда мужчины были на фронте, многократно возросло значение женщин как основных добытчиков продовольствия, предметов первой необходимости. Стремясь каждый день обеспечить выживание своим близким, они вынуждены были подчиняться суровым законам времени, зачастую определявшимся кодексом поведения противника на оккупированной территории.

По свидетельству А. И. Баранцевой, в 1919 году финны согнали местное население на ремонт дороги. «Из деревни взяли только баб, а мужиков мобилизовали в армию. В д. Маньга болотистое место было, и мы там землю носили юбками да насыпали понемногу. Сами работали очень плохо, думаем, лишь бы не провезли пушек и ничего. Мы в жизни не видели пушек, какие они»¹⁰. В ее воспоминаниях о повседневных практиках выживания в условиях финской оккупации родной деревни и окрестных территорий Южной Карелии обнаруживаются свидетельства о том, как расширялись практики купли-продажи продуктов и как в связи с этим формировались различные гендерные стратегии. Баранцева рассказывает, что по окончании принудительных работ по расчистке дороги она возвратилась домой

вместе с другими женщинами и получила от свекрови настоятельный наказ заняться обменом продуктов по примеру односельчанок. «Возвращаясь домой — все бабы ходят в Пряжу молоко да яйца продавать финнам. В Пряже ведь был их главный штаб». «Принесла бы чего-нибудь, раз все ходят», — советовала свекровь. Как жена красноармейца, рассказчица не сразу решилась отправиться в стан противника, но все же послушалась. «Пошла, а сестра вслед бежит, по дороге меня догнала и говорит: “Сейчас же вернись домой! Ты жена красноармейца, иди домой быстрее, [как будто] без меня молока и кур не проживешь”. У меня кафтан отобрала. Я домой, а самой неприятно. Прошла неделя, а матушка опять говорит: “Невестка, сходи и ты, все люди ходят”. Ну я и решилась»¹¹.

Участие в торговле с финскими солдатами воспринимается рассказчицей как вынужденная стратегия выживания, и в повествовании чувствуется ее желание дать почувствовать потенциальным слушателям, что эта стратегия отвечает их патриотическим ожиданиям. Успеху меновой операции посодействовала жена старшего брата А. И. Баранцевой, до этого уже несколько раз ходившая в Пряжу: «Она привела туда, где кухня, туда мы зашли, там эти белые варят пищу, шапки на голове, рукава засучены... У меня взяли молоко, взамен дали муки да лепешек каких-то, *которые словно пальцем давлены...* У меня уже нет желания менять молоко, мне хочется узнать, что там делается. Мы до середины деревни дошли, где у них был штаб, откуда собираются пойти в наступление на Матросы... В доме то солдаты молодые-молодые, пьяные шатаются... Я думаю, посмотрю, что за солдаты, а они лежат в избе на соломе. Так они готовились к наступлению». Фактически выполнив разведывательную задачу, женщина сообщила о состоянии духа противника своему мужу, тайно приходившему домой из партизанского отряда: «Такие-то солдаты, вовсе не бравые... все молодые, пьяные да мобилизованные... Годных никого». В рассказе слышится осуждение в адрес старшей женщины, озабоченной выживанием своих близких, голодных детей, но в силу возраста остававшейся глухой к политической идеологии. «После я больше не ходила в Пряжу с молоком. Я после ходила лишь узнать и увидеть, сколько их и где размещены. Матушка не раз предлагала, но я не пошла»¹².

Рассказывая о тех же событиях, что и мужчина, женщина обычно большее значение придает деталям, мелким сюжетам повседневности, хотя эти «мелочи» порой говорят об огромном риске, на который шли жительницы Пелдожи, не желавшие оставаться пассивными наблюдательницами того, что происходило в их деревне. В публикацию образцов людиковской речи

включен рассказ А. И. Баранцевой о том, как жены красноармейцев, отправляясь в лес, брали с собой ножницы, чтобы испортить телефонный провод, натянутый финнами. «Мы перережем, сами дальше идем. Около своей деревни не резали, шли к Прякке либо на погост, чтобы не знали, что пелдожане режут»¹³.

При сопоставлении отразившихся в источниках традиционных образов «природного» времени, какими они сложились в представлениях крестьянского населения карельского приграничья в начале XX столетия, и образов времени «военного» и «революционного», Революции 1917 года и Гражданской войны в России обращают на себя внимание хранящиеся в Архиве Карельского научного центра РАН многочисленные воспоминания очевидцев и участников событий. Записи были сделаны в 1930-е годы как историками, так и фольклористами, выезжавшими в карельское приграничье, Поморье, глубинку бывшей Олонецкой губернии¹⁴. Особый интерес представляют тексты, авторами которых стали так называемые «красные финны» — эмигранты, оказавшиеся в Советской России после поражения революции 1918 года в Финляндии¹⁵.

Судьба десятков «красных финнов», посвятивших себя военному делу, оказалась связанной с Карельским егерским батальоном¹⁶. Среди них — участники революции 1918 года в Финляндии рабочий М. Куконоя и выборжанин Я. Саволайнен, уроженец Улеаборгской губернии А. Лайне, рабочий со ст. Руукки Э. Ояла и многие другие, чьи автобиографии хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН.

В 1920–1930-е годы психологическое состояние жителей Карелии характеризовалось постоянной готовностью к непрочности достигнутого мира и ожиданием внезапного нападения извне. Любое послевоенное общество неизбежно отравлено войной, и ее психологические последствия для общества не менее важны, чем экономические, политические или социальные. На основании собственного недавнего опыта и под воздействием советской индоктринации психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта — «человека сражающегося», особый психологический тип, который возникает в предвоенные годы, в массовых масштабах порождается во время войны и продолжает существовать в течение довольно продолжительного срока после ее окончания.

Советское общество, сформировавшееся в 1920–1930-е годы, специалисты характеризуют в связи с присущим ему самосознанием как межвоенное¹⁷. Укреплением такого типа общественного сознания был отмечен весь период строительства Карельского егерского батальона (КЕБ). Соз-

данный осенью 1925 года, а с осени 1930 года вошедший в состав развернутой в Карелии Отдельной егерской бригады, батальон претерпевал постоянную смену командиров, кадровые чистки начала 1930-х годов. Он прекратил свое существование осенью 1935 года в связи с расформированием национальной бригады и репрессиями офицеров — бывших «красных финнов», многие из которых стали жертвами сфабрикованного особым отделом Ленинградского военного округа (ЛВО) дела «о заговоре финского генштаба»¹⁸.

Согласно сведениям, приводившимся в докладе Начальника территориального управления АКССР Зусмановича, в 1926 году в КЕБ насчитывалось 567 человек рядовых красноармейцев, в том числе 368 карелов, 193 русских и 6 финнов (по социальному составу — 516 крестьян, 37 рабочих и 14 служащих, среди них 17 членов и кандидатов РКП(б) и 140 комсомольцев). Младший комсостав по этнической принадлежности тоже в подавляющем большинстве был карельским: 80 карелов, 29 русских, 6 финнов, в их числе 93 крестьянина, 11 рабочих и 1 служащий (84 членов ВЛКСМ).

Между тем в числе 50 командиров среднего и старшего комсостава и политсостава на долю финнов приходилось более половины — 30 человек, русских — 11 человек и всего пятеро карелов (в том числе 32 рабочих, 6 крестьян, 1 служащий; среди них беспартийные оставались в явном меньшинстве: 26 коммунистов, 12 кандидатов в члены партии и 5 комсомольцев)¹⁹. Офицерский корпус КЕБ в основном состоял из «красных финнов» — эмигрировавших в Советскую Россию участников Гражданской войны в Финляндии, впоследствии служивших в 164-м (6-м) финском полку Красной армии и, как правило, получивших профессиональное образование в Интернациональной военной школе. В 1923 году Президиум Карельского обкома принял решение удовлетворить просьбу Центрального бюро финляндских организаций в Петрограде о направлении в эту школу 25–30 курсантов — карелов по национальности²⁰.

В 1930-е годы по инициативе сотрудников, работавших в историко-революционной секции Карельского научно-исследовательского института под руководством Ээро Хаапалайна, проводился сбор воспоминаний о революционных событиях в Финляндии и Карелии. Руководитель секции, в период революции 1918 года и Гражданской войны в Финляндии занимавший пост уполномоченного по внутренним делам в правительстве «красных финнов» и должность главнокомандующего Красной гвардии, хорошо понимал значение сбора и публикации свидетельств очевидцев о происходившем в те годы²¹.

Однако значительная часть записанных рассказов так и не увидела свет из-за того, что их содержание слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране. Многие воспоминания из тех, что в послевоенные годы все же были предназначены к публикации, носят следы редакторской правки, что само по себе может служить источником по истории науки и стать самостоятельным объектом исследования.

Достаточно назвать изъятые из воспоминаний Федора Акуловича Лесонена, уроженца д. Суднозеро Вокнаволоксской вол. Кемского уезда, упоминание о том, что носителями радикальных идей и сторонниками призывов по-новому организовать жизнь приграничья становились не только солдаты-большевики, возвращавшиеся в карельскую глубинку с фронтов Первой мировой войны²².

По свидетельству автора воспоминаний, написанных в 1958 году, «в наших деревнях жили и работали рабочие Финляндии, сбежавшие от виселиц и тюрем Маннергейма. Среди них были революционеры, имена которых оставались неизвестными для широких кругов». Во время наступления белофинских отрядов вглубь Беломорской Карелии весной 1918 года именно финские рабочие революционеры Мюра и Пурсийайнен были расстреляны одними из первых в д. Суопасваара Юшкозерской волости, а уже затем арестованы сторонники новой власти из местного карельского населения²³.

Но такая «память» не вписывалась в установленную схему и нарушала монополию большевиков на «революционизирование» жителей приграничья и чествование павших героев, которые могли происходить лишь из рядов правящей партии или сочувствующих ей. Поэтому из окончательной редакции воспоминаний как одна из «неудобных» подробностей исчез эпизод с погибшими финскими революционерами.

Примечательны воспоминания участника Гражданской войны в Карелии, одного из руководителей Компартии Финляндии и деятеля международного рабочего движения Тойво Антикайнена²⁴. Финские отряды воевали на Урале, в Сибири и на Южном фронте. Из слушателей пехотных курсов в Петрограде был сформирован финский батальон численностью до 250 человек, который осенью 1919 года был направлен на фронт под Петроградом и принимал участие в боях против войск Северо-Западной армии Н. Н. Юденича²⁵.

По свидетельству Т. Антикайнена, бойца 164-го финского стрелкового полка, который был сформирован из «красных финнов», во время военных действий на территории Заонежья летом 1919 году в полку «с питанием все

обстояло отлично»: «Местность была довольно зажиточной. Молока и овец было вдоволь. Мы соблюдали советский денежный “курс”, поддерживая сходные цены. Когда село брали с боя, в тот день за молоко не платили. Это был своего рода “военный налог”. Никакого другого насилия не применялось. Всякое самоуправление энергично пресекалось. Да его, собственно, и не было. Командиры об этом хорошо заботились. Армейский паек в те времена был тоже приличным. Нас снабжали непосредственно от дивизии. Мы получали двойную порцию сахара и жиров. Выдавали мясные консервы. В то же время полк снабжался от бригады и жил на вобле»²⁶.

Помимо свидетельства о хорошем снабжении бойцов 2-го батальона 164-го полка, переформированного в отдельную единицу при 19-й стрелковой дивизии 7-й армии, таком нетипичном для документальных материалов периода Гражданской войны в Карелии, воспоминания Т. Антикайнена содержат и своеобразный пример красноармейского фольклора: «Я получил утром две воблы, принесу тебе одну из них», — так ответил бежавший в атаку красноармеец на издевки белых: «Большевики, вам не голодно ли?»²⁷

Взаимная демонстрация противоборствующими сторонами — красными и белыми — как друг другу, так и гражданскому населению своих продовольственных возможностей (обнадеживающих или, наоборот, скудных, а значит, свидетельствующих о безоглядной решимости сражаться) становится устойчивым фольклорным мотивом в рассказах о Гражданской войне. В женской памяти сохранились свидетельства о том, как «англичане» — земляки, мобилизованные в белые войска бывших союзников России, — запомнились населению Водлозерья. На жителей д. Канзанаволок вторгшиеся отряды так называемых «англичан» произвели впечатление тем, что у них «чулки до колен [вероятно, не виданные прежде обмотки. — *Е. Д.*] и галеты на штыках»²⁸. Насаженные на штыки галеты, хранение которых таким образом вряд ли было вызвано практической необходимостью, по всей видимости, должны были красноречиво свидетельствовать о хорошем продовольственном снабжении «англичан» и служить средством агитации в их пользу.

Описывая действия своих однополчан в Заонежье, Тойво Антикайнен упоминает о том, что у них была даже «кавалерия»: «У крестьян мы мобилизовали лошадей. Когда часть бойцов нам удавалось посадить на коней, они гарцевали по селам и околицам, как, бывало, гусары. Так мы вводили противника в заблуждение, не давая ему установить наши истинные силы»²⁹.

Именно в эти годы обстановка и обстоятельства военной службы армейских кадров — от командного корпуса до солдат, так же, как и их последующие связи с армией и государством после демобилизации, формировали взгляды и поведение, которые составили основу «военизированного социализма» как компонента советской политической культуры середины 1930-х годов. С периода Гражданской войны советские лидеры стали особенно широко использовать военный лексикон, военную символику, воспринимать чрезвычайные меры по отношению к населению как норму, хотя уже в условиях Первой мировой войны социальные аспекты военных действий и существование военных институтов оказывали значительное влияние на все стороны жизни общества.

Возвращаясь к событиям, о которых вспоминает Т. Антикайнен, следует сослаться на свидетельство о поездке в Заонежье из отчета, подготовленного в ноябре 1919 года комендантом Петрозаводского порта для политотдела Онежской озерно-речной военной флотилии. Находясь в октябре по болезни в заонежском с. Кузаранда, он интересовался настроениями жителей после освобождения Заонежского полуострова от частей войск Временного правительства Северной области генерала Е. К. Миллера. Как отметил автор документа, «у крестьян настроение большевистское к советской власти, только недовольны на финнов, что самочинно брали одежду и продукты». Присутствуя на сельском собрании, военный моряк пообещал крестьянам, что «за лошадей будет заплачено, когда те использовались для подвоза снарядов и патронов, по 80 руб. в день, и пояснил, что за все самочинные действия со стороны финнов будут привлечены ответственные работники, так как они отвечают за команду»³⁰.

Характеризуя состав бойцов 164-го полка, оставившего, как видно из приведенного отчета, недобрую память у заонежан, Т. Антикайнен отметил, что состав этот был «очень пестрым — по возрасту были люди от 15 до 60 лет. Были и совсем не обученные. Дисциплиной тоже нельзя было похвастаться. Они повоевали в Финляндии, на южных просторах России, в сибирских степях, защищали эстонскую бедноту. Они появлялись всегда и везде там, где нужно было уничтожить старую власть, которой суждено было исчезнуть с лица земли. Для систематической боевой подготовки времени не оставалось. Не было также обученных командиров»³¹.

Приведенный фрагмент воспоминаний свидетельствует об осознании бойцами 164-го полка одной из главных новых ценностей, на формирование которой была направлена работа армейских политорганов, — своей освободительной миссии по отношению к классово близким представите-

лям «угнетенных» всех национальностей. В реальной повседневности это оборачивалось не только обострением социальных противоречий в городе и деревне, но и усилением межэтнической напряженности, в данном случае между русскими крестьянами Заонежья и финнами-красноармейцами.

Среди документов политотдела Онежской флотилии об агитационных поездках моряков в деревню примечательно относящееся к этому же времени обращение военных моряков с «горячей просьбой» «к товарищам-красноармейцам 1-го батальона Финского полка»: «Зная вас как самых отважных защитников нашей дорогой РСФСР», говорилось в обращении, моряки просили финских красноармейцев «показать себя перед крестьянами с самой лучшей стороны»³².

«Мы, моряки, очень хорошо знаем, что есть крестьяне, которые очень много сделали дурного по своей темноте, мы все против тех, кто делает для нас дурное», но ради «внимания и симпатии со стороны крестьян к рабочей и крестьянской власти» к ним следует «иметь снисходительность». «Дорогие товарищи, на нас всех льют ушатами грязь. Почему это так — и вот почему, что у нас есть такие, которые, не считаясь ни с чем, делают все, что угодно». Онежцы призывали финнов «смотреть друг за другом», поскольку «это есть самое хорошее средство» для прекращения «всяких недоразумений». Обращение заканчивалось словами: «После этого мы, моряки, шлем вам свой горячий привет как лучшим защитникам революции и желаем общего успеха побед над белогвардейской сволочью. Да здравствует Красная армия!»³³

«Революционное время», активно рвавшее прежние связи, воспринималось участниками событий как время, стремящееся в некое новое измерение, где не действуют привычные представления о прошлом, настоящем и будущем, где оно течет по особым законам³⁴. Внешне это проявлялось в удивительной непохожести новых реалий жизни на привычный и казавшийся таким прочным ее уклад.

Наряду с социальной составляющей важнейшее место внутри революционного времени занимают его эмоционально личностные компоненты. Познание этого явления было бы неполным без изучения эмоционального переживания событий революции и Гражданской войны в Карелии как человеческой драмы, исследования городской и деревенской повседневности в экстремальное время и в чрезвычайных обстоятельствах.

***

¹ *Витухновская-Кауппала М.* Национальное самосознание восточных карел до и после Октябрьской революции // Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка: Сб. науч. ст. Joensuu, Петрозаводск, 2011. С. 156–172 (на фин. яз.); Гражданская война на Севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008; *Дубровская Е. Ю.* Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 3. С. 253–262; История Петрозаводска: горожане и власть. Петрозаводск, 2008; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 343–440; *Кулин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства: 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 17–55; *Пашков А. М., Филлимончик С. Н.* Петрозаводск. СПб., 2001. С. 73–83; Петрозаводск: Хроника трех столетий. Петрозаводск, 2002; *Шумилов М. И.* Октябрь, интервенция и Гражданская война на Европейском Севере России. (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992; *Он же.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973; и др.

² *Кознова И. Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000; *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–22 годах. М., 2001; *Репина Л. П.* Память о прошлом и история // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 7–18; *Румянцева М. Ф.* «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. Вып. 21; *Фишман О. М.* Карелы — пограничный народ, пограничная культура // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий—2. Третьи Шегреневские чтения. СПб., 2009. С. 276–291; *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; *Он же.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России: 1905–1917. Хельсинки; СПб., 2006; *Peltonen U.-M.* Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki, 2003; *Åström A.-M., Sundman M.* Hemma Bäst. Minnen från barndomshem i Helsingfors. Helsingfors, 1990.

³ *Дубровская Е. Ю.* Финляндцы и население карельского приграничья: «свои–чужие» подданные Российской империи в беллетристике и периодике начала XX века // Скандинавские чтения 2006 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2008. С. 467–475.

⁴ *Никитин И. М.* Воспоминания о старом дореволюционном Петрозаводске. Научный архив Карельского государственного краеведческого музея. Д. 771.

⁵ Выражаю благодарность внуку (и правнучке) И. М. Никитина — М. В. Никитину, осуществившему как обработку личного архива семьи, так и составление

основного корпуса текстов мемуарного характера, и выпускнице филологического факультета Карельского государственного педагогического университета Е. П. Михалевой за предоставленную возможность ознакомиться с воспоминаниями.

⁶ Тугарины. Портрет на фоне времени / [авт.-сост. Ю. Шлейкин, авт. идеи В. Тугарин]. Петрозаводск, 2008. С. 48; *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010. С. 31.

⁷ *Баранцев А. П.* Образцы людиковской речи. Образцы корпуса людиковско-идиолекта. Петрозаводск, 1978; *Илюха О. П.* Историко-этнографические источники для изучения детской повседневности в Карелии конца XIX — начала XX веков // Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка: Сб. науч. ст. Joensuu, Петрозаводск, 2011. С. 124–125.

⁸ *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 243–244.

⁹ *Баранцев А. П.* Указ. соч. С. 200, 261, 262, 264–265.

¹⁰ Там же. С. 255.

¹¹ Там же. С. 253.

¹² Там же. С. 254.

¹³ Там же.

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Дубровская Е. Ю.* Гражданская война и иностранная интервенция на Русском Севере в памяти населения Карелии (1920–1930-е гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой междунар. науч. конф. СПб., 2008. С. 250–262; *Иванова Т. Г.* Роль ленинградских ученых в становлении фольклористики в Карельском научно-исследовательском институте // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 115–122.

¹⁵ См. также: *Филлимончик С. Н.* Роль научно-исследовательских институтов Карелии в развитии гуманитарных наук в 1930-е годы // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 103–114.

¹⁶ *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Финны в воинских формированиях Советской России (1918–1940 годы) // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Петрозаводск, 2010. С. 50–63.

¹⁷ *Сенявская Е. С.* Человек на войне: опыт исторической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8–9, 15.

¹⁸ *Бутвило А. И.* «Красные финны» в составе партийно-государственной элиты Карельской трудовой коммуны // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Петрозаводск, 2010. С. 41–49; *Кангасгуро М.* Финская эпоха советской Карелии // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 138–140; *Ренухова О. Ю.* Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Политическая история и историография (От Античности до современности). Петрозаводск, 1996. С. 85–99; *Такала И. Р.* Репрессивная политика в отношении финнов в советской Карелии 30-х гг. // *Historia Fenno-Ugrica* 1: 2. Oulu, 1996. С. 516–518; *Она же.* Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Пе-

трозаводск, 1991. С. 98–103.

¹⁹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 69.

²⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 216. Л. 137 об.

²¹ *Такала И. Р.* Ээро Хаапалайнен — революционер, журналист, ученый (к 115-й годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография: Сб. статей. Петрозаводск, 1996. С. 187–193.

²² Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 15.

²³ Там же. Л. 17.

²⁴ Тойво Антикайнен: жизнь и подвиг. Петрозаводск, 2008. С. 7–16, 20–30.

²⁵ *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 191–196.

²⁶ *Антикайнен Т.* Фронтовые воспоминания // За советскую Карелию. Петрозаводск, 1963. С. 213–214.

²⁷ Там же. С. 216.

²⁸ Архив автора.

²⁹ *Антикайнен Т.* Указ. соч. С. 213.

³⁰ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р–124. Оп. 2. Д. 18. Л. 35.

³¹ *Антикайнен Т.* Указ. соч. С. 211.

³² РГА ВМФ. Ф. Р–124. Оп. 2. Д. 125. Л. 1.

³³ Там же.

³⁴ *Захарченко Г. В.* Революционное время и его особенности // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект: Материалы XIV Междунар. науч. конф. СПб., 2003. С. 200–207. Ч. 1.